

УДК 332.05

БАГОМЕДОВ МАГОМЕД АЛИЕВИЧ

к.э.н., заведующий отделом ФГБУН
«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,
e-mail: bagron18@yandex.ru

РАБАДАНОВА АМИНАТ АСАДОВНА

к.э.н., научный сотрудник ФГБУН
«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,
e-mail: am6880@yandex.ru

СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В РЕГИОНАХ СКФО В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. Цель работы. Целью статьи является разработка основных теоретических и практических перспектив и гипотез влияния геоэкономических процессов на структурную перестройку экономики республик СКФО с учетом социально-экономической политики государства. **Метод и методология проведения работы.** Исследование основывается на общенаучной методологии, которая предусматривает применение системного подхода к решению проблем. Основой данной работы являются эмпирические наблюдения авторов за реальным состоянием региональной экономики, подкрепленные аналитическими обобщениями доступной информации. **Результаты.** Охарактеризованы цели структурной политики в регионах СКФО. Предложена несовпадающая с официальной позицией интерпретация реальной структурной политики Правительства России на Северном Кавказе. Раскрыты геоэкономические причины отставания развития реального производства в этих проблемных регионах. Проведен аналитический обзор состояния и тенденций развития основных отраслей экономики, с учетом геоэкономических вызовов рассмотрен структурный аспект долгосрочной стратегии преодоления экономического отставания республиками СКФО. **Область применения результатов.** Результаты проведенного исследования могут использоваться при обосновании мер активизации социально-экономической политики в регионах СКФО. **Выводы.** Необходима модернизация структурной политики в проблемных регионах в условиях высоких геоэкономических вызовов: на первом этапе в направлении развития среднего, малого и семейного бизнеса в сфере услуг и АПК; для стратегической перспективы необходимо модернизировать образование.

Ключевые слова: структурная региональная политика, геоэкономика, глобализация, региональная экономика, инвестиции, модернизация, услуги, государственные заказы.

BAGOMEDOV MAGOMED ALIEVICH

Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of FSBIS
“Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS”,
e-mail: bagron18@yandex.ru

RABADANOVA AMINAT ASADOVA

Candidate of Economic Sciences, Research Associate of FSBIS
“Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS”
e-mail: am6880@yandex.ru

STRUCTURAL POLICY OF THE STATE IN THE REGIONS OF THE NCFD IN THE CONDITIONS OF GEOECONOMIC CHALLENGES

Abstract. The goal of the study. The goal of the study is developing the main theoretical and practical prospects and hypotheses of impact of geoeconomic processes on the structural rebuilding of the economy of the Republics of the NCFD taking into account the social-economic policy of the state. **The method and methodology of completing the study.** The study is based on the

general scientific method that stipulates using a systemic approach to solving problems. The basis of this study are empirical observations of the authors of the real state of the regional economy supported by analytical summarizations of available information. **The results.** We have characterized the goals of the structural policy in the regions of the NCFD. We have suggested an incongruous interpretation compared with the official one of the real structural policy of the Government of Russia in the Northern Caucasus. We have expanded on the geoeconomic reasons of the lag in development of real production in these problem regions. We have completed an analytical review of the state and tendencies of development of the main industries of the economy. Taking into account the geoeconomic challenges we have discussed the structural aspect of a long-term strategy of overcoming the economic lag of the Republics of the NCFD. **The area of application of the results.** The results of the study completed may be used when substantiating measures on activation of the social-economic policy in the regions of the NCFD. **The conclusions.** It is necessary to modernize the structural policy of the problem regions in the conditions of high geoeconomic challenges: at the first stage - in the area of focus of development of medium, small and family business in the area of services and the AIC; it is necessary to modernize education for strategic prospects.

Keywords: a structural regional policy, the geoeconomics, the globalization, the regional economy, investments, a modernization, services, state orders.

Разработка данной научно-исследовательской работы (темы) осуществляется в рамках раздела 87 «Разработка стратегии трансформации социально-экономического пространства и территориального развития России» «Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы». Структурная политика включает в себя долговременные, наиболее принципиальные, важные установки, меры, планы, намерения правительства страны, администрации регионов, руководства концернов в отношении структуры экономики, распределения доходов и расходов, бюджета, налогов, капиталовложений, формирования приоритетов и стимулов развития отдельных отраслей, структур и производств с перспективой достижения продекларированной цели политики [3]. Опыт показывает, что цели любой декларируемой политики под давлением обстоятельств корректируются, и чем выше эффект структурной политики (здесь возникает вопрос о критериях оценки достижения цели), тем выше качество институционализации структурной политики. В соответствии с этим структурная политика преодоления несостоятельности и депрессивности и создания экономического механизма устойчивого развития регионов СКФО должна включать в себя долговременные, наиболее принципиальные, важные установки, планы, намерения Правительства России по достижению этих целей, согласованные с правительствами регионов, администрациями городов и районов, руководством представленных в республике концернов в отношении производства, формирования инвестиционных портфелей, формирования бюджетов развития, налоговых стимулов, капиталовложений, цен, социальной компенсации. При этом возможности и, соответственно, реальные цели структурной политики меняются под воздействием реальных условий, в том числе в результате геоэкономических вызовов, возникающих под воздействием глобализации.

Взаимосвязь геополитики с мировой экономикой обосновывается в системной глобальной теории Иммануила Валлерстайна, [9] в которой падение и взлет мировых геополитических приоритетов и преимуществ соотносится со структурными переменами в векторах развития мирового хозяйства, в том числе связанных с длинными экономическими циклами конъюнктуры рынков, описанных Н. Д. Кондратьевым [11]. Э. Люттвак, предложивший более двадцати лет тому назад термин «геоэкономика», обосновал смену эпохи геополитической борьбы на конкуренцию государств в геоэкономической сфере, рассмотрел взаимосвязи, сходства и различия между геоэкономикой, военными действиями и причинами государственных переворотов [22]. В мировой политике экономические интересы глобальных акторов зачастую доминируют в дипломатических стратегиях этих и зависимых стран. В перспективе ближайших двадцати лет старые и новые экономические державы устроят передел глобальной экономики, в котором отстающие экономики будут играть роль ничего не решающих статистов. Такая перспектива уже прогнозируется в своих высказываниях «главными» экономистами страны

Г. Грефом и А. Чубайсом.

Геоэкономические вызовы, вставшие перед Россией, возникли по внутренним причинам. До 1990 года в России производилось 8 % мирового валового продукта, сейчас в лучших оценках — 2 % . Неэффективное управление экономикой (коррупция и разруха в промышленности, недогруженность из-за неконкурентоспособности и старения на 80 % производственного аппарата), «подсаженность на нефтяной игле» (уже десятки лет большая часть бюджета формируется от налогов на экспорт энергоносителей), «русский крест» (старение населения двадцать лет будет ежегодно тормозить экономику на 1,5 %) не позволяют рассчитывать на выполнение декларируемой структурной политики «новой индустриализации» российских регионов [1]. Но ведь в ответ на геоэкономические вызовы Президентом Путиным В. В. декларируется задача восстановления до 2030 года роли России как независимой экономической супердержавы главным образом за счет создания 2 млн высокопроизводительных рабочих мест на новых предприятиях, поскольку одним ростом АПК и добычей природных ресурсов этого статуса не добиться [16].

Особенно проблемно положение республик СКФО, которые в условиях отсутствия единой идеологии (общества и экономики) у Российского государства ожидаемо продолжают исламский дрейф. Ожидание российской элитой неизбежности подобного геоэкономического сценария проявляется в той структурной политике, которую она уже двадцать лет фактически проводит в этих регионах. Огромная финансовая помощь в виде дотаций, субвенций и субсидий направляется в эти регионы для обеспечения минимальных конституционных социальных гарантий и властных полномочий [7]. Незначительные средства вкладываются в аграрный и рекреационный кластеры. Но нет существенного притока инвестиций в развитие промышленности этих трудоизбыточных регионов, где проблема эффективной занятости является наиболее актуальной для самого большого молодого поколения среди регионов страны. При этом на фоне разговоров о паразитировании республик СКФО на федеральном бюджете муссируются геополитические предложения о выводе этих регионов из состава Федерации.

В этих регионах России в наследие от СССР достались работавшие в основном на «оборонку» более ста крупных промышленных предприятий численностью более 2 тысяч занятых человек на каждом, которые имели гарантированный сбыт продукции и обеспечивали львиную долю налоговых поступлений в региональные бюджеты. В «лихие девяностые» брошенные на произвол «красных директоров» большинство из них потеряли рынок сбыта продукции, уменьшили в четыре раза численность занятых, переориентировались на выпуск непрофильной продукции, а третья часть обанкротилась. Но в начале нулевых примерно половина этих предприятий (гражданской ориентации продукции и важного оборонного значения) еще как-то существовала (получали государственную поддержку, небольшие госзаказы, производили ТНП и сдавали в аренду площади) в десять раз меньшей численностью занятых. К настоящему моменту большинство предприятий фактически умерло, поскольку без контроля государства их директора распродали под жилищно-строительный бум большую часть территорий «лежащих на боку» заводов, и только одно предприятие в Дагестане — КЭМЗ — имеет сопоставимый с советским периодом объем продукции и численность занятых [15].

В чем причина этой плачевной ситуации? В отсутствии инвесторов для технического перевооружения и строительства новых крупных предприятий. Частный международный инвестор идет только в зоны опережающего развития, где системным эффектом гарантирована окупаемость инвестиций, но только он и государство могут наладить в течение нескольких лет что-то новое для данной территории производства (издержки подготовки кадров и логистики). Региональные инвесторы слабы финансово и не владеют современными технологиями, они в лучшем случае могут создать среднее по масштабам производство, и то с подключением глобальных производителей средств производства. Советское планирование инвестиций и государственных заказов сменилось распределением заказов между государственными монополиями типа ВЭБ, ВТБ, «Газпром», «Роснефть», «Ростех», «ОСК», «ОАК», которых в России немного, но наиболее важные — последние — промышленные — не идут в республики СКФО по своим стратегическим соображениям экономической безопасности, и это главный геоэкономический вызов, поскольку он ставит большой крест на перспективах новой большой индустриализации этих самых перспективных по трудоизбыточности регионов России.

Рост экономических факторов влияния на геополитику в эпоху глобализации изменил представление о геоэкономике эпохи противостояния двух супердержав. Полная гегемония экономики «золотого миллиарда» в овладении новейшими технологическими укладами сопровождается неокOLONиальной завоевательной геоэкономикой, которая осуществляет экономический захват территорий без их присоединения и без ответственности за качество жизни людей на этих территориях. «Золотой миллиард» — это привилегированные субъекты международного права, объединенные сетевой структурой координации под негласной эгидой США, они представляют собой население группы развитых экономически стран, объединенных в разные форматы взаимодействия (G7, НАТО, МВФ и др.), и некоторых международных организаций, реально управляющих миром [11]. В случаях, подобных России, когда, опираясь на советы МВФ, государства переставали управлять своей экономикой, как правило, происходило формирование «однобокой» придаточной к мировой экономике, к высокой зависимости перспектив дальнейшего развития экономики от экспансии иностранного бизнеса. Примерила в 2008 году Россия роль геополитической супердержавы, тут же иностранный бизнес перестал создавать новые производства в России, и темпы экономического развития страны сошли на «нет» [12].

В результате геоэкономического давления «золотого миллиарда» ранее развитые экономически самостоятельные страны постсоветского пространства, Восточной Европы, Ближнего Востока, Латинской Америки оказались экономически зависимы от санкций и биржевой конъюнктуры.

У геоэкономике «золотого миллиарда» своя конкурентная логика, основанная на контроле над мировыми финансовыми потоками, эмитировании резервной валюты и, соответственно, льготном инвестировании и использовании экономической мощи государства для достижения технологического превосходства в перспективных наукоемких отраслях. Такими перспективными высокорентабельными отраслями геоэкономике являются: информатика, производство премиум-товаров, медицина, возобновляемые энергоресурсы, авионика, космос и вооружения, роботизация. Остальные производства постепенно выводятся в развивающиеся страны с гораздо более низким уровнем оплаты труда [19].

Арсенал возможных средств для восстановления геоэкономического значения страны широк, но для России он достаточно ограничен геополитической ситуацией. Традиционные схемы, такие как: установление таможенных тарифов, субсидирование отдельных отраслей национальной экономики, льготное кредитование и налоговое регулирование, стимулирующее развитие приоритетных для страны направлений, разработка передовых технологий и многие другие, здесь неэффективны из-за высоких транзакций, связанных господством интересов олигархических кланов. Назревают геоэкономические конфликты, связанные с недоступностью ТНК к природным ресурсам и транспортным коридорам, пролегающим через Россию. Показательно, что Китай строит пока свои коридоры в Европу, минуя Россию [10].

Как показывает опыт ЕЭС, попытка решения демографической проблемы старения населения (а для России — это еще более важная демографическая проблема на ближайшие 30 лет) заселением стран этнически и культурно чужеродными автохтонному населению людьми, помимо экономических выгод, приводит к утрате национальной самобытности и цивилизационному перерождению европейских наций. Вполне вероятно, что дальнейшая исламизация нижних классов в Западной Европе приведет в ближайшие 20 лет к этно-конфессиональному обострению возникающих противоречий классовых интересов, Западная Европа будет выведена из «золотого миллиарда» в пользу «азиатских тигров». Для России решение этой проблемы видится в стимулировании иммиграции соотечественников из ближайшего зарубежья и организованного переселения избыточных трудовых кадров с Северного Кавказа в регионы опережающего развития.

Согласно постиндустриальной концепции, хотя глобализация и перевела конкуренцию на наднациональный уровень и «в международных отношениях обмена промышленное производство (подобно сельскому хозяйству в период индустриализации) становится все менее значимым с точки зрения создания экономической стоимости» [8], тем не менее наукоемкое промышленное производство остается самым высокорентабельным.

Если бы в прошедшие тридцать лет промышленность республик СКФО не была брошена

государством в хаос рынка, она не утратила бы научно-технологические школы кадров, и сейчас здесь можно было бы строить новые высокотехнологичные предприятия. Но пока выпускники ссузов и вузов регионов профессионально не готовы для работы на них.

Поскольку республики СКФО не располагают существенными запасами природных ресурсов, это не позволяет им рассчитывать на присущую экономически развитым регионам сырьевую модель развития экономики. Развитие этих регионов за счет АПК существенно замедляется ограниченностью земельных ресурсов и инвестиций [5].

Неоколониализм в эпоху глобализации построен на двух встречных потоках обмена: от развитых стран и регионов идет поток товаров высоких и уникальных технологий, с заложенной в их цене высокой заработной платой и сверхприбылью; из недокапитализированных стран и регионов — поток кадров высокой квалификации, сырья и продуктов промышленности по заниженным ценам. Хотя современному миру характерны глобальная доступность, открытость и стремительное распространение информации и инноваций в глобальной экономической среде, виртуализация и неконтролируемость финансовой сферы, нарастающее доминирование такого фактора глобализации, как финансовое неравенство стран и регионов, служит главным инструментом неоколониализма.

Это требует от руководства регионов СКФО выбора структурных приоритетов и политико-экономических стратегий с целью усиления собственного позиционирования в сфере обострившейся межрегиональной конкуренции. Есть только две альтернативы перспективного развития экономики этих регионов, не требующие существенных капитальных вложений, и обе должны опираться на реформирование и приоритетное развитие образования:

1. Активная модель — научно-технологическая разработка высоких и уникальных технологий (по этой модели требуется большая организационная и направляющая программная работа федеральных и региональных властей).

2. Пассивная модель — обоснование демографических инвестиций в СКФО для подготовки кадров для регионов опережающего развития.

Кризис, переживаемый сегодня Россией, начался в 2014 году как структурный, вызванный снижением мировых цен на энергоносители и применением к нашей стране внешнеэкономических санкций, ограничивших отечественному бизнесу доступ на глобальные финансовые рынки. Уже в следующем году этот кризис приобрел всеобъемлющий характер, оказывая влияние практически на все аспекты экономической, политической, социальной и культурной жизни общества.

Наиболее опасными результатами текущего кризиса стали падение доходов бюджета, инвестиций в экономику (собственных и иностранных), курса рубля к основным валютам, а также существенный рост безработицы (явной и скрытой) и инфляции. В основе сегодняшнего кризиса лежит обвальное падение цен на энергоносители, в первую очередь на нефть (более чем в 3 раза: со 100 долларов США за баррель осенью 2014 года до 30 осенью 2015). Учитывая, что бюджет Российской Федерации почти на половину наполняется поступлениями от экспортеров энергоносителей (нефти и газа), случившееся привело к его значительному дефициту [12].

Дефицит федерального бюджета страны стремительно растет, что обуславливается усилением дифференциации регионов по уровню благосостояния, в результате наблюдается слабое влияние федерального центра на субъекты Федерации [7]. В этих условиях Северному Кавказу крайне необходимо активизировать внутренние механизмы формирования денежных ресурсов, которые восполнили бы сокращение внешнего федерального финансирования.

Создание Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) в 2010 году было обусловлено масштабностью и остротой проблем социально-экономического развития. Среди факторов, которые выдвигались основой для создания СКФО, были следующие:

1. Низкий уровень промышленного производства. Действие этого фактора сохраняется. Экономические проекты, зафиксированные в Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года, не ориентированы на реиндустриализацию региона. Модернизация как стратегическое направление экономических преобразований на Северном Кавказе не состоялась, т. к. не началась в масштабах России.

2. Критическая зависимость республик Северного Кавказа от дотаций федерального бюджета. Действие этого фактора также сохраняется. По размеру дотаций на душу населения

большинство республик входят в первую десятку по России, хотя и не занимают пять первых позиций (2014) и не лидируют среди «национальных» республик. При этом важно отметить, что популярные лозунги, типа «Хватит кормить Кавказ», почти исчезли из публичного дискурса.

3. Относительная бедность населения. Этот фактор продолжает действовать. Однако самые бедные семьи живут (2016 год) в Псковской области. Предпоследнее место в рейтинге бедности заняла Республика Дагестан. Третью строчку с конца занимает Ивановская область [13]. При оценке роли этого фактора необходимо учитывать сложность определения истинной бедности на Северном Кавказе с учетом высокого уровня «теневой экономики».

4. Отставание качества жизни в республиках Северного Кавказа от среднероссийского. Данный фактор по-прежнему сохраняется. В рейтинге качества жизни в регионах за 2012–2014 годы позиции заметно улучшились только у Ставропольского края (перемещение с 37-й позиции на 29-ю). Из республик наиболее высокая позиция с небольшим улучшением у РСО — Алании (63-я); у Дагестана — 71-я (ухудшение), у Кабардино-Балкарии — 72-я (незначительное улучшение), у Чеченской Республики — 78-я (нет предыдущих данных), у Карачаево-Черкесии — 79-я (незначительное ухудшение), у Ингушетии — 80-я (без динамики). Замыкают рейтинг не северокавказские республики, а Алтай, Калмыкия, Тыва [14]. При оценке роли этого фактора важно принять во внимание возможные большие погрешности из-за объема теневых доходов и услуг в Северо-Кавказском регионе (по некоторым отраслям до 80 %).

5. Высокий уровень безработицы. Действие этого фактора уменьшилось. Уровень безработицы по СКФО снизился с 16,5 % (2010 год) до 10,2 % (2015 год). Тем не менее он остается самым высоким в стране. Рост доли безработных в 2016 году характерен для Республики Ингушетия — здесь этот показатель достигает 29 % [6]. Однако при оценке роли этого фактора также возможны большие погрешности из-за занятости в теневом секторе.

6. Масштабы коррупции. Рассматриваемый фактор по-прежнему действует. Однако коррупция на Северном Кавказе ничем принципиально не отличается от других регионов, и борьба с коррупцией в СКФО не может быть эффективной в отдельно взятом регионе.

7. Крайне низкая эффективность региональных органов власти. Действие этого фактора также сохраняется. Но данная проблема не является специфическим северокавказским явлением и характерна для большинства регионов и федеральных органов власти.

8. Этноклановость. Действие этого фактора сохраняется с тенденцией к усилению, чему способствуют реализуемые в регионе экономические проекты (аграрное производство, туризм, строительство, сфера услуг, т. е. отрасли, в которых во всем мире доминирует семейный бизнес). Преодолеть эту тенденцию можно только путем реиндустриализации региона на современной технологической основе. Важно принять во внимание то, что клановость, nepoтизм и другие проявления непрозрачности во власти и в ведении бизнеса свойственны всей России. Специфика Северного Кавказа — этнический компонент.

9. Преступная деятельность бандподполья. Действие этого фактора уменьшилось вследствие эффективных действий силовиков и «зачистки» региона перед Олимпиадой 2014 года.

10. Экстремизм, «который нам поставляется из-за рубежа». Значимость этого фактора резко возросла по причине разрастания геополитической борьбы по всему геополитическому региону «Прикаспий — Причерноморье — Кавказ — Ближний Восток — Средиземноморье» [2].

Несмотря на то, что не удалось качественно переломить экономическую ситуацию на Северном Кавказе, официальные показатели свидетельствуют о некотором улучшении в сфере занятости, что всегда рассматривалось на официальном уровне как важнейший фактор стабилизации.

С учетом принятия Указа Президента РФ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» решение накопленных в регионах Северного Кавказа проблем имеет особое значение для национальной и экономической безопасности страны, поэтому требует кардинальной модернизации экономики и региональной политики [16]. Рост экономики и преодоление отставания регионов СКФО надо рассматривать не только как условие общественно-политической стабильности на Северном Кавказе, но и как существенный фактор устойчивого развития экономики страны и укрепления геополитического положения

России в Каспийском бассейне, Ближнем Востоке и Арабском мире. «Северному Кавказу необходимо не просто экономическое развитие, а реиндустриализация и модернизация всего региона, которая и должна рассматриваться как инструмент кардинального изменения обстановки. Причем модернизация региона критически важна для сохранения Северного Кавказа в российском цивилизационном пространстве» [2].

А это возможно лишь при условии реализации активных структурных и институциональных преобразований в макрорегионе. В условиях, когда федеральные дотации регионам неизбежно будут снижаться, Северному Кавказу необходима новая региональная экономическая и структурная политика, направленная на кардинальную модернизацию экономики в направлении обеспечения ее самодостаточности и адекватная современной социально-экономической и политической ситуации в стране. Повышение общей самодостаточности и конкурентоспособности экономики Северного Кавказа в долгосрочной перспективе позволит более активно и эффективно задействовать имеющиеся ресурсы, предпринимательские таланты, активную и конкурентоспособную рабочую силу, способные обеспечить более высокий уровень производительности труда и собственного благосостояния, привлекать необходимые инвестиции.

Общественное сознание страны настроено на модернизацию. На Северном Кавказе преобладают традиционалистские настроения (особенно в восточной части региона), и это одно из наиболее глубинных социокультурных противоречий, которое сложилось между Северным Кавказом и остальной частью России [2]. Поэтому принципиальное значение имеет заинтересованное участие региональных властей в кардинальных изменениях экономики. Такая необходимость объясняется еще отсутствием в структуре экономики регионов элементов самонастройки, инертностью государственного сектора, низким уровнем свободного предпринимательства и другими проблемами.

Базовой концепцией структурной политики федерального центра в СКФО, прежде всего, является превращение СКФО в индустриально-аграрный регион страны. Речь идет не о восстановлении и ускоренном развитии отраслей промышленных видов деятельности, то есть о новой индустриализации всей социально-экономической сферы, поскольку для этого потребуется 4 триллиона инвестиций, а только о более масштабном внедрении современных инновационных методов механизации труда и технологий в фермерском хозяйстве, строительстве, транспорте, социальной сфере, сфере коммунальных, туристско-рекреационных услуг и т. д. Мировой опыт свидетельствует о том, что новая индустриализация всех сфер жизнедеятельности на основе современных достижений науки и техники составляет основу конкурентоспособности экономики и всех ее отраслей.

Такой качественный маневр в структуре экономики регионов СКФО является неизбежным и диктуется объективными факторами. Во-первых, одной из острейших экономических и социальных проблем Северного Кавказа является обеспечение занятости населения. Решение этой проблемы в принципе невозможно без масштабного промышленного производства. Общая закономерность такова, что численность городского населения растет высокими темпами как за счет естественного прироста, так и особенно миграции сельского населения в города.

Уровень безработицы в сельской местности СКФО составляет в 2014 году 13,2 %, а численность сельского населения составляет более 50 % от общего числа граждан, что приводит к активной миграции сельских жителей в города. Конечно, часть трудоспособного населения занята в строительстве, транспорте, торговле и других отраслях услуг, но обеспечить занятость все возрастающего городского населения эти сферы не могут ни сейчас, ни тем более в более отдаленной перспективе. Только развитие промышленности, создание новых рабочих мест по производству высокотехнологичной и наукоемкой продукции АПК позволит решить эту острейшую для СКФО проблему.

Во-вторых, диверсификация, расширение масштабов и рост объема продукции промышленности является материальной основой инновационного развития и повышения производительности труда во всех других отраслях народного хозяйства и сфере услуг, следовательно, обеспечения конкурентоспособности всей экономики. Именно промышленность создает современные средства и орудия труда, являющиеся базой высоких технологий во всех отраслях и сферах жизнедеятельности, следовательно, перевода всей экономики на инновационный путь развития.

В-третьих, сокращение и постепенное преодоление дотационности для республик Северного Кавказа является острой проблемой. Промышленность должна играть решающую роль в наращивании налоговой базы и обеспечении бюджетной самодостаточности регионов округа. Именно только высокоразвитая и эффективная промышленность может стать реальным и надежным источником налоговых поступлений и обеспечения финансовой самодостаточности регионов СКФО.

В-четвертых, активное восстановление и прорывное развитие промышленности диктуется необходимостью освоения месторождений минерального сырья, наращивания темпов и объемов производства добывающей и перерабатывающей промышленности. Крайне важно для СКФО развитие топливно-энергетического комплекса за счет добычи и переработки нефти и газа, создания дополнительных мощностей по электроэнергетике и т. д.

Наряду с прорывным развитием промышленности, опережающее развитие сельского хозяйства на данном этапе объективно выдвигается как важнейший фактор преодоления кризиса в экономике и социальной сфере, следовательно, должно являться приоритетным направлением структурной политики СКФО на долгосрочную перспективу. Это обусловлено рядом объективных факторов.

Во-первых, сельское хозяйство является одной из основных отраслей народного хозяйства, использование потенциала которого имеет решающее значение для подъема экономики СКФО. Здесь создается 13,8 % валового регионального продукта, занято 21 % работающих в народном хозяйстве, большую часть территории СКФО занимают сельскохозяйственные угодья (более 70 %).

Во-вторых, сельское хозяйство является основным поставщиком сырья для пищевой промышленности, а в целом агропромышленный комплекс составляет основу продовольственного обеспечения населения, определяет продовольственную безопасность регионов СКФО.

В-третьих, дальнейшее развитие сельского хозяйства представляет собой важное условие обеспечения занятости населения СКФО и снижения уровня безработицы. По состоянию на 2014 год уровень безработицы на селе в СКФО составлял 13,2 %.

В-четвертых, сельское хозяйство является сферой жизнедеятельности и источником доходов сельского населения, составляющего 50,9 % всего населения Северного Кавказа. Состояние сельскохозяйственного производства, следовательно, определяет уровень и качество жизни большинства населения СКФО, оказывает решающее влияние на миграцию граждан, особенно молодежи, является важным фактором социальной стабильности в обществе [4].

В-пятых, в нынешних условиях острого недостатка инвестиционных ресурсов исключительно важным фактором является наименьшая, по сравнению с другими отраслями, капиталоемкость сельскохозяйственного производства и быстрая окупаемость инвестиций.

Разумеется, сказанное выше отнюдь не означает, что нужно развивать сельское хозяйство в ущерб другим отраслям экономики. Речь идет о том, что в условиях продолжающегося кризиса в ряде отраслей и ограниченности инвестиций на данном этапе одним из стратегических приоритетов следует считать опережающее развитие аграрного комплекса, направляя в этот сектор максимум ресурсов. Это позволит ускорить преодоление общего кризиса в экономике, улучшить макроэкономические показатели, увеличить инвестиционные ресурсы, обеспечить население собственным продовольствием, повысить уровень жизни сельского и всего населения регионов СКФО.

Литература

1. Абдулаева З. З. Значение социального аспекта в индикаторах экономической безопасности // *Вопросы структуризации экономики*. — 2010. — № 2. — С. 62–66.
2. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Факторный анализ динамики региональной ситуации на Северном Кавказе через призму человеческого капитала // *Политические процессы и практики*. — 2017. — № 1. — С. 36–38.
3. Ахмедуев А. Ш. Проблемы и стратегические приоритеты социально-экономического развития субъектов Северо-Кавказского федерального округа России // *Региональная экономика: теория и практика*. — 2015. — № 34 (409). — С. 14–29.
4. Баляниц К. М. Фермерство и вопросы рационального землепользования // *Вопросы структуризации экономики*. — 2000. — № 5. — С. 54.
5. Баширова А. А., Гимбатов Г. М. Государственное регулирование экологизации сельского хозяйства: административные и экономические методы // *Горное сельское хозяйство*. — 2015. — № 3. — С. 16–19.

6. Безработица в России 2016. — *Новости России и СНГ [Электронный ресурс]*. Режим доступа: <http://rusdni.ru/obschestvo/bezrobotica/bezrobotica-v-rossii-2015.html>, свободный. — Загл. с экрана.
7. Бероникова Л. Ф., Фаткуллина Э. Р. Финансовый кризис 2014–2015 гг. и его влияние на Россию // *Молодой ученый*. — 2015. — № 11.3. — С. 10–13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/91/19713/> (Дата обращения: 03.10.2017), свободный. — Загл. с экрана.
8. Брок Д. Экономика и государство в эпоху глобализации. От глобализации национальных экономик к глобализованному мировому хозяйству / Д. Брок // *За экономическую грамотность*. — 1997. — № 3–4. — С. 27–34.
9. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкий. — СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. — 416 с.
10. Гасанов М. А., Курбанов К. К., Омаров А. З. Производственная инфраструктура и эффективность АПК региона // *Экономика сельского хозяйства России*. — 2009. — № 6. — С. 57–66.
11. Дергачев В. А. Геоэкономика. — Киев: ВИРА-Р, 2002. — ISBN 966-7807-15-0.
12. Костяев С. Е. Экономический кризис 2014–2016 годов в России и его финансовые аспекты // *Калужский экономический вестник*. — 2016. — № 1. — С. 73–75.
13. Рейтинг регионов по уровню жизни семей. — 2016. — РИА РЕЙТИНГ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://riarating.ru/regions_rankings/20160601/630023921.html, свободный. — Загл. с экрана.
14. Рейтинг российских регионов по качеству жизни. — МИА «Россия сегодня» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/infografika/20141222/1039549859.html>, свободный. — Загл. с экрана.
15. Сагидов Ю. Н. «Уход государства из экономики» — методологический посыл для коллизии в основах преобразований в России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. — 2013. — № 9. — С. 12–18.
16. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
17. Bora B., Lloyd P.J., Pangestu M. *Industrial Policy and WTO* // Geneva: WTO Secretariat. Centre William.
18. Etzkovitz H. *Science Policy in the Clinton Administration : the transition from military to civilian norms. Science and Technology Policy*, 1993. P. 18–25.
19. George A. Akerlof, Robert J. Shiller. *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton University Press, 2011. 264 p. [An electronic resource]. Access mode: http://ebookey.org/Animal-Spirits-How-Human-Psychology-Drives-the-Economy-and-Why-It-Matters-for-Global-Capitalism_1533071.html, free. Heading from the screen.
20. Lall S. *Industrial Success and Failure in a Globalizing World* // *International Journal of Technology Management and Sustainable Development*. 2004. Vol. 3(3). P. 210.
21. Luttwak, Edward. *Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy*. Weidenfeld & Nicolson, London, 1998 / Harper Collins, New York, 2000. 290 p. ISBN 9780060931377.
22. Pack H. *Industrial Policy: Growth Elixir or Poison?* // *The World Bank Research Observer*. 2000. Vol. 15. P. 49.

References:

1. Abdulaeva Z. Z. *the Importance of the social aspect in the indicators of economic security // questions of structuring the economy*. 2010. No. 2. P. 62–66.
10. Gasanov M. A., Kurbanov K. K., Omarov A. Z. *Production infrastructure and efficiency of agroindustrial complex of the region // Economy of agriculture of Russia*. 2009. No. 6. P. 57–66.
11. Dergachev V. A. *Geo-Economics*. Kiev: VIRAR, 2002. ISBN 966-7807-15-0.
12. Kostyaev S. E. *the Economic crisis 2014–2016 in Russia and its financial aspects // economic Bulletin of Kaluga*. 2016. No. 1. S. 73–75.
13. *Rating of regions by the standard of living of families*. 2016. RIA RATING. [An electronic resource]. Access mode: http://riarating.ru/regions_rankings/20160601/630023921.html, free. Heading from the screen.
14. *Rating of Russian regions by quality of life*. MIA «Russia today». [An electronic resource]. Access mode: <http://ria.ru/infografika/20141222/1039549859.html>, free. Heading from the screen.
15. Sagidov Yu. N. «Withdrawal of the state from the economy» — methodological message for the conflict in the foundations of reforms in Russia // *National interests: priorities and security*. 2013. No. 9. P. 12–18.
16. *Presidential decree No. 208 of 13 may 2017 on the economic security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030*.
17. Bora B., Lloyd P. J., Pangestu M. *Industrial Policy and WTO* // Geneva: WTO Secretariat. Centre William.
18. Etzkovitz H. *Science Policy in the Clinton Administration : the transition from military to civilian norms. Science and Technology Policy*, 1993. P. 18–25.
19. George A. Akerlof, Robert J. Shiller. *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton University Press, 2011. 264 p. [An electronic resource]. Access mode: http://ebookey.org/Animal-Spirits-How-Human-Psychology-Drives-the-Economy-and-Why-It-Matters-for-Global-Capitalism_1533071.html, free. Heading from the screen.
2. Avksentieva V. A., Gritsenko G. D. *Factorial analysis of the dynamics of the regional situation in the North Caucasus through the prism of human capital // Political processes and practices*. 2017. No. 1. P. 36–38.
20. Lall S. *Industrial Success and Failure in a Globalizing World* // *International Journal of Technology Management and Sustainable Development*. 2004. Vol. 3(3). P. 210.
21. Luttwak, Edward. *Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy* — Weidenfeld & Nicolson, London, 1998 / Harper Collins, New York, 2000. — 290 P. ISBN 9780060931377

22. Pack H. *Industrial Policy: Growth Elixir or Poison?* // *The World Bank Research Observer*. 2000. Vol. 15. 1. P. 49.
3. Akhmeduev A. Sh. *Problems and strategic priorities of social and economic development of subjects of the North Caucasus Federal District of Russia* // *Regional economy: theory and practice*. 2015. No. 34 (409). P. 14–29.
4. Balents, K. M. *Farming and sustainable land management* // *Issues of economy structuring*. 2000. No. 5. P. 54.
5. Bashirova A. A., Gimbatov G. M. *State regulation of agricultural greening: administrative and economic methods* // *Mining agriculture*. 2015. No. 3. P. 16–19.
6. *Unemployment in Russia in 2016. News of Russia and the CIS* [An electronic resource]. Access mode: <http://rusdni.ru/obschestvo/bezrobotica/bezrobotica-v-rossii-2015.html>, free. Heading from the screen.
7. Berdnikov L. F., Fatkullina E. R. *Financial crisis 2014-2015 and its influence on Russia* // *the Young scientist*. 2015. No. 11.3. S. 10–13 [An electronic resource]. Access mode: <https://moluch.ru/archive/91/19713/> (accessed: 03.10.2017), free. Heading from the screen.
8. Brock D. *Economy and state in the era of globalization. From globalization of national economies to globalized world economy* / D. Brock // *For economic literacy*. 1997. No. 3–4. P. 27–34.
9. Wallerstein I. *Analysis of world systems and the situation in the modern world. Per. from English*. P. M. Kudyukin. Under the General editorship of Cand. political science B. Kagarlitsky Y. SPb.: University book publishing house, 2001. 416 p.